

Оправдать свою жизнь

Профессор Брехман оставил нам в наследство непризнанную науку валеологию, чудо-экстракты женьшеня и элеутерококка и надежду на сохранение здоровья

В начале февраля ученые Северной Кореи заявили о создании первого в мире крепкого алкогольного напитка «Корейский ликер» (Koryu Liquor), якобы не вызывающего похмельный синдром. Если верить сообщению издания NK News, то чудо-зелье приготовлено на основе женьшеня и обожженного клейкого риса – заменителя сахара. Правда это или выдумка, проверить невозможно: не пили. Только в этом вопросе северокорейцы зря тянут одеяло на себя. Впервые беспохмельную водку изобрели в Приморье еще в начале 1980-х годов. Она называлась «Золотое руно».

Создатели беспохмельной водки – сотрудники Института биологически активных веществ Дальневосточного отделения Академии наук СССР профессор Израиль Брехман и его ученик Александр Буланов. Они же первыми в Советском Союзе стали всерьез изучать адаптогены (вещества, повышающие иммунитет человека): элеутерококк, женьшень, рантарин – вытяжку из рогов северного оленя, сайнтарин – вытяжку из рогов сайги.

Операция «Золотое руно»

Основной ингредиент для производства «Золотого руна» ученые нашли в виноградной кисточке без ягод – так называемом гребне – и назвали его каприм (от слов Кахетия и

Приморье). Эксперименты над крысами показали, что каприм расщепляет алкоголь в организме животных в считанные часы. И более того, препятствует патологической тяге к спиртному. Поэтому в Кахетии, где пьют не меньше, чем в Сибири, например, алкоголиков нет. Институт имени Сербского подтвердил целительные свойства препарата. Беспохмельную водку стали производить на фруктовом спирте в Грузии, где гребня десятки тонн (а до этого никто и не знал, что делать с бросовым сырьем).

Секретное разрешение ЦК КПСС на испытание «Золотого руна» Брехман и его сподвижники получили в 1983 году после двухлетних хождений по кабинетам Госплана и Президиума Академии наук. И то после того, как экспериментальную водку попробовали секретарь ЦК Николай Рыжков и председатель Госплана Николай Байбаков. Вечером они выпили бутылку на двоих, закусив яблоком, а утром встали как огурчики: голова не трещит, перегара нет! Не водка, а вековая мечта русского народа.

В качестве испытательного полигона был выбран Северо-Эвенский район Магаданской области – отдаленный уголок СССР с населением в 12 тысяч человек. Для чистоты эксперимента из магазинов убрали обычную водку, оставив только беспохмельную, вино и шампанское. Операцию «Золотое руно» негласно контролировал КГБ. За состоянием здоровья испытуемых следили прикомандированные врачи из Владивостока и местный медперсонал. Обследование населения проводилось под видом всеобщей диспансеризации: в СССР это было обычным делом.

Эксперимент, рассчитанный на два года, продлился... 10 месяцев. В 1985-м в Стране Советов грянула антиалкогольная кампания, испытания беспохмельной водки свернули, а на профессора Брехмана и Александра Буланова навесили ярлык «пропагандисты культурного питания». Вместо награды они получили по инфаркту.

Прошли годы, и сегодня непочатая бутылка «Золотого руна» – раритет. Более повезло другому детищу лаборатории Брехмана – горькой настойке «Золотой рог» с элеутерококком, запатентованной в 11 странах Европы, в Японии и в США (американцы и сегодня выпускают «Эликсир здоровья» под названием Prime one).

Всего же на счету Израиля Брехмана 12 патентов научных разработок в России и 22 за рубежом. В его активе 350 опубликованных научных работ, включая 12 монографий, большая часть из них переведена на иностранные языки.

Приходи учиться... на шпиона

Удивительна судьба профессора Брехмана, ученого-фармаколога с мировым именем, создателя науки о здоровом образе жизни – валеологии (лат. valeo – «быть здоровым»). Даже коллеги Израиля Ицковича, проработавшие с ним не одно десятилетие, не знали всех нюансов его биографии...

Согласно официальным источникам Израиль Брехман родился 20 ноября 1921 года в Самаре. На самом деле точная дата его рождения неизвестна. Как рассказала «В» внучка Израиля Ицковича Юлия Брехман, из-за еврейских погромов на Украине его родителям пришлось бежать с детьми в Самару (Куйбышев). Во время бегства документы были утеряны. Поэтому день рождения в восстановленных метриках написали приблизительно. Но месяц и год верны.

В детстве Изя Брехман, голубоглазый блондин с пшеничными бровями и веснушками, мечтал о карьере... артиста оперетты. К этой профессии у него были все предпосылки: он

хорошо пел, прекрасно танцевал и мастерски бил чечетку. В его комнате на деревянном полу стояли, одно напротив другого, два больших зеркала, а между ними была протоптана дорожка – свидетель ежедневных многочасовых репетиций.

В одном из поздних интервью профессор Брехман признавался, что еще в школе, будучи комсомольцем, он хотел стать политиком, чтобы «продвигаться по партийной линии». Возможно, его мечта сбылась бы. Но перед выпускными экзаменами его пригласили в ОГПУ.

– Со мной беседовал какой-то генерал. Он объявил, что знает обо всех моих родственниках больше меня. И предложил мне по окончании школы прийти к ним служить, чтобы потом отправить меня учиться в Подмоскovie на шпиона. Если, конечно, отец разрешит. Мне это предложение страшно понравилось, – рассказывал Израиль Ицкович.

К счастью, родитель будущего ученого, портной по профессии, которому в дальнейшем довелось руководить местной больницей, не разрешил сыну «учиться на шпиона». Будто предвидел, какая интересная и насыщенная жизнь уготована его наследнику.

В 1940 году с одними пятерками в аттестате Изя Брехман поехал в Ленинград поступать в Военно-морскую медицинскую академию (ВММА). Конкурс среди отличников был как в театральном вузе – 21 человек на место. И поблажек для них не было: поступали в академию на общих основаниях. Абитуриент Брехман сдал все девять (!) экзаменов и был зачислен на первый курс.

В декабре 1941-го академию эвакуировали из окруженного Ленинграда. Истощенные от недоедания курсанты выходили из города ночью по льду Ладожского озера, испещренному свежими воронками от снарядов.

«Курсанты брели в глубоком молчании, скользя и падая во тьме. За ночь они должны были пройти 37 километров. С захваченной немцами Шлиссельбургской батареи доносились пулеметные очереди, слышалась чужая речь. Курсанты шли, надев на головы белые наволочки для маскировки. Первый взвод первой роты, которым командовал Израиль Брехман, состоял, как на подбор, из рослых и крупных курсантов. Взводный был не из их числа. Но он не мог позволить себе расслабиться. Он был в ответе за всех...». Это строки из воспоминаний Маргариты Гриневич – жены Израйля Ицковича.

Будущие супруги познакомились на городском балу отличников, расписались в 1944 году там же, в Куйбышеве, и прожили вместе более полувека. Они и сейчас рядом – на Лесном кладбище во Владивостоке. Маргарита Андреевна пережила мужа на 14 лет.

Орден за элеутерококк

Свой первый препарат – стимулятор прозамина, повышающий работоспособность и выносливость, Израиль Брехман создал на 3-м курсе академии под руководством профессора Николая Васильевича Лазарева, заведующего кафедрой фармакологии ВММА. Препарат был успешно испытан на команде крейсера «Красный Крым», после чего его стали применять во время военных действий на кораблях Черноморского флота.

Увлечение курсанта Брехмана наукой и отчасти пренебрежение строевыми и военными занятиями повлияли при назначении на место службы: молодого офицера направили

служить на Тихоокеанский флот, почти на край земли. В те годы это было равносильно ссылке.

Но лейтенант Брехман не отчаивался. Он был романтиком. Его манили Дальний Восток, тайга и загадочный «корень жизни» – женьшень. Все время военной службы, с 1946 по 1957 год, Израиль Брехман занимался радиологией, токсикологией, продолжал испытывать свой стимулятор прозамина на экипажах кораблей и подводных лодок в условиях длительного автономного (без всплытия) плавания. На этих материалах в 1948 году он защитил кандидатскую диссертацию. Параллельно со служебными обязанностями Брехман выполнял наказ своего учителя, профессора Лазарева, «разобраться с женьшенем».

– Возраст ученого в науке имеет значение. Нужно успеть сделать главное, то есть показать, на что ты способен, еще в возрасте Христа, то есть до 33 лет. Мне это удалось. Я защитил диссертацию, совмещая службу на флоте, когда мне было 33 года, – говорил Израиль Ицкович спустя десятилетия.

По его словам, настоящая работа в науке начинается после защиты кандидатской и докторской диссертаций. И, чем раньше ты преодолеешь эти препятствия, тем больше успеешь сделать. Брехман был убежден: главное в науке – это уметь правильно задать вопросы природе, которая, несомненно, даст на них ответы.

Еще в бытность старшим научным сотрудником ДВ филиала Сибирского отделения Академии наук, в 1957 году он возглавил фармакологические исследования лекарственных растений. Под его руководством был выполнен ряд работ по изучению женьшеня, элеутерококка и других растений из семейства аралиевых. Результат этих работ – применение элеутерококка в медицине, народном хозяйстве, спорте и даже в космосе.

Интересно, что впервые космонавты взяли спиртовую настойку элеутерококка на корабль нелегально, заложив тонкую пробирку в бортовой журнал. В полете спирт из экстракта стал испаряться и целительная жидкость в пробирке «таяла» на глазах. Космонавты начали ссориться, подозревая друг друга в тайном употреблении элеутерококка...

13 мая 1983 года Израиль Брехман был награжден орденом Ленина за разработку и внедрение экстракта элеутерококка в народное хозяйство СССР.

«Пятая графа» в его жизни

У Брехмана часто спрашивали, не мешали ли ему в жизни и работе его имя и фамилия, стыдливо намекая на «пятую графу» в паспорте (в советское время в ней указывали национальность. – Прим. ред.). В ответ ученый приводил случай из своей биографии.

Однажды, когда он проходил паспортный контроль в аэропорту, вылетая за рубеж на симпозиум, молоденький пограничник с серьезным видом взял у него паспорт, раскрыл, прочитал фамилию хозяина документа, затем внимательно посмотрел на Израиля Ицковича и... заулыбался.

– Что-то не так? – обеспокоенно спросил ученый.

– Все нормально, профессор. Я читал ваши статьи.

«Вроде бы, мелочь, а мне было очень приятно», – вспоминал потом Брехман.

Благодаря своим работам с женьшенем и элеутерококком Израиль Ицкович добился признания не только в родной стране, но и во всем цивилизованном мире. С его веским словом в науке считались. У него было несколько научных званий и регалий: доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Технологической академии наук. Но академиком он так и не стал. Резонно полагая, что причиной тому стала все та же пресловутая «пятая графа».

– Это очень непростой вопрос. Потому что перед евреями ставились более серьезные, более трудные условия. Чтобы делать науку, для этого необходима возможность. А возможность предоставлялась не по уму, не по способностям и не по результатам, а по другим принципам. Это наследие досталось современной России от старых времен, от социализма, где НАША

очередь была последней. Но я по этому поводу никогда не озлоблялся. Я считал, что это моя экология и я должен работать в этих условиях лучше всех и больше всех, – рассуждал знаменитый ученый в возрасте чуть более 70 лет. – Я считаю, мне страшно повезло, что я не стал академиком. Сейчас, конечно, я бы ни за что в таком возрасте не согласился баллотироваться в члены-корреспонденты Академии медицинских наук. Потому что у меня монографий больше, чем у двух десятков членов этой академии.

Кстати, несмотря на «пятую графу» в паспорте, Израиль Брехман многократно выезжал в командировки за границу. В том числе и в США. О чем подавляющее большинство советских антисемитов могло лишь мечтать.

Что у вас на голове?

Профессор Брехман был трудоголиком. Работа была смыслом его существования. И только потом семья, машина, быт, дача. Он работал в институте и дома, днем и ночью. И никогда не гнался за модными веяниями в науке. Он часто повторял, что «великие дела делаются тихо», что его кредо – «быть последовательным и социально полезным». Поэтому Израиль Ицкович так много успел.

– Иногда я думаю: если бы я сделал в три раза меньше, то этого все равно хватило бы, чтобы оправдать свою жизнь, – говорил именитый фармаколог.

И это с его стороны не было позерством или бахвальством. Сорок пять лет жизни ученый отдал отделу биохимических технологий Тихоокеанского океанологического института имени Ильичева ДВО РАН, который сам же и создал в 1949 году. Сегодня это отдел биохимии и биофизики, которым руководит Юрий Добряков – ученик Израиля Ицковича. Брехман любил своих сотрудников. Он мечтал, чтобы у них были хорошие квартиры и здоровые дети, потом – диссертации, желательно – автомобили. И коллеги отвечали ему тем же, специалисты увольнялись из его отдела только по семейным обстоятельствам.

Если Брехман погружался в работу, то окружающий мир переставал для него существовать. Он уходил в себя и никого не видел, ничего не слышал. Однажды, когда профессор был увлечен написанием очередной статьи (дело было у него дома), трехлетняя внучка Юля вплела в его волосы несколько бантов. И сделала это так ловко и быстро, что дед даже не заметил «украшений» на своей голове. И все бы ничего. Но в этот момент к Брехману пришел молодой аспирант. Когда он увидел разноцветные ленты на шевелюре Израиля Ицковича, то впал в ступор. Он не знал, как это воспринимать: то ли научный

руководитель его диссертации так развлекается, то ли у него... «горе от ума». С учеными такое иногда случается. В свою очередь, хозяин дома, глядя на остолбеневшего гостя, поинтересовался:

– Молодой человек, вам нехорошо?

– Простите, профессор, а что у вас... на голове? – спросил аспирант, заикаясь.

Потом были и дружный смех, и подбрасывание маленькой шалуни почти под потолок: ученый дед обожал свою внучку.

Даешь дачу строителю коммунизма!

У Израиля Ицковича не было хобби: все его свободное время забирала наука. Но у него была хорошая библиотека и... шикарная коллекция галстуков-бабочек. Профессор всегда очень стильно одевался. Еще он любил свой дачный участок в районе железнодорожной станции Спутник, где проводил редкие выходные дни и который получил благодаря своей находчивости...

В середине 1960-х Владивосток только начал приспособливать пригородные земли под дачи. Но шесть соток выделяли не всем желающим, а только большим начальникам и зарегистрированным садово-огородным товариществам. И если на предприятии или в организации не было такой общественной структуры, то дачи не видать как своих ушей.

В Тихоокеанском океанологическом институте, где работал Израиль Брехман, развитием частного земледелия никто не занимался. А его супруге, Маргарите Андреевне, очень хотелось иметь свой участок. Желание жены – закон для мужа. Через влиятельных знакомых профессора оформили по блату в только что сформированное садово-огородное товарищество «Строитель», все или почти все члены которого работали в строительном управлении, возводившем Большой Владивосток.

Земельный надел члены товарищества получали не где захочется, а по жеребьевке, проходившей по начальным буквам их фамилий. Дело это оказалось хлопотное и скандальное, растянувшееся на несколько собраний. Причем после каждого собрания участков становилось все меньше, а количество потенциальных дачников не уменьшалось. И хотя члены товарищества, чьи фамилии начинались на букву Б, тянули жребий в числе первых, до профессора Брехмана очередь так и не дошла.

Прошло еще несколько собраний, а Израиль Ицкович по-прежнему оставался без внимания руководства «Строителя». Будто бы он вообще не присутствовал на собраниях! В конце концов ему это надоело. На одном из собраний, когда свободных участков почти не осталось, а очередь из несостоявшихся земледельцев все еще была велика, Брехман встал и громогласно спросил:

– Почему меня игнорируют и не приглашают участвовать в жеребьевке? Я такой же член товарищества, как и все здесь присутствующие.

Ответ держал председатель «Строителя»:

– Все правильно, профессор, вы член нашего товарищества. И вы известный ученый с мировым именем. Мы вас уважаем и ценим. Но вы же не строитель! Поэтому мы не можем предоставить вам земельный участок. Уж извините!

– Ошибаетесь, уважаемый! – осадил председателя ученый. – Я такой же строитель, как и все здесь присутствующие. Мы все – строители коммунизма! Поэтому я имею право на землю. Кто за то, чтобы предоставить земельный участок строителю коммунизма Израилю Ицковичу Брехману? Прошу голосовать!

Возражений не последовало. Руку поднял даже председатель товарищества. Зеленый от злости.

Чтобы помнили

Израиль Ицкович Брехман скоропостижно скончался 9 июля 1994 года. Накануне он прошел медкомиссию, ничто не предвещало беды. Поздно ночью у него прихватило сердце, а домашний телефон, как назло, не работал, пришлось будить соседей. «Скорая» прилетела быстро, но медики оказались бессильны. В одном из многочисленных некрологов напишут: «Он работал до последнего часа, у него были грандиозные планы дальнейшего развития созданной им науки по оздоровлению человека». И каждое слово – правда.

Одним из первых о смерти профессора Брехмана был оповещен его младший брат – известный журналист Григорий Самарин (псевдоним он взял в честь города Самара, где родился). Григорий позвонил Маргарите Андреевне, чтобы выразить соболезнование и сообщить, что по еврейскому обычаю он, как брат покойного и к тому же холостяк, обязан на ней жениться. Он хотел поддержать близкого человека в трудную минуту. И несмотря на то что дни были тягостными, вдова не могла ничего с собой поделать. Она... расхохоталась. Израиль Брехман, будучи при жизни веселым и жизнерадостным человеком, наверняка по достоинству оценил бы предложение брата. Он был бы ему благодарен...

Последние три десятилетия своей жизни профессор Брехман прожил во Владивостоке в обычном пятиэтажном доме в центре города. Но горожане об этом не догадываются. А жаль! Мне кажется, что пришло время увековечить имя нашего знаменитого ученого. Если не улицу назвать его именем, то хотя бы мемориальную доску прикрепить на стене дома, где он жил и умер. Чтобы слова «Твоя валеология и наша благодарная память о тебе будут жить», высеченные на надгробной плите Израиля Брехмана, не расходились с делом.

Справка «В»

В марте 1996 года приказом Госкомвуза РФ официально зарегистрирована специальность 040700 «валеология». На тот момент в медицинских вузах России насчитывалось 73 кафедры и три факультета валеологии.

Между тем попытки ввести валеологию в систему российского образования вызвали критику со стороны некоторых представителей академической науки и Русской православной церкви. Они провозгласили ее «лженаукой» и даже «сектантским учением».

К сожалению, революционные идеи Израиля Брехмана попали не на ту почву. В 2001 году предмет «валеология» был исключен из базисного учебного плана образовательных учреждений, а специальность «педагогическая валеология» – из официального Перечня направлений подготовки и специальностей высшего педагогического образования.

Сегодня теоретические и практические проблемы валеологии изучают в ряде академических учреждений России, Украины, Беларуси, Казахстана и Чехии. Обучение сохранилось на факультативной основе в некоторых российских школах, а также в учебных заведениях ряда стран СНГ.

Автор выражает признательность за помощь в подготовке публикации Юлии Львовне Брехман, Татьяне Михайловне Брехман, Музе Васильевне Ильичевой, Юрию Ивановичу Добрякову, Александру Алексеевичу Калинин, Виталию Владимировичу Исай, Сергею Евгеньевичу Утяганову.

Статья опубликована в сети Интернет:

<http://vladnews.ru/3887/lichnost/opravdat-svoyu-zhizn.html>

Все новости Владивостока и Дальнего Востока на Vladnews.ru

